

А. А. Забияко
**ХАРБИНСКИЙ ПОЭТ НИКОЛАЙ ЩЕГОЛЕВ:
 ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ***

То странною сказкой, то блябью
 Вся жизнь из могил и развалин
 Встаёт
 Н. Щеголев¹

15 марта 1975 г. в Свердловске скончался от инфаркта скромный преподаватель Н. А. Щеголев. Уход из жизни этого немолодого, но еще и не старого человека не вызвал общественного резонанса, так и оставшись драмой семейного масштаба да грустью редких далеких друзей.² Спустя три месяца в «Новом русском слове» появилась статья-некролог Валерия Перелешина «Поэт Николай Щеголев».³ Но кто в то время стал бы искать связь между провинциальным преподавателем и поэтом, о котором пишут в парижских изданиях?

А между тем личность Николая Александровича Щеголева, его жизненный путь и художественное наследие заслуживают внимания. Его судьба — отдельная глава в истории восточной ветви русского зарубежья. Она вписана в трагические скрижали того периода отечественной истории, что, не успев окончиться, порос легендами и домыслами.

Сегодня выражение «русская Атлантида», удачно сформулированное Э. Штейном по отношению к русской культуре в Китае, перестало быть метафорой. Когда канули в прошлое идеологические запреты, за дело взялись уче-

ные. Оказалось, что «русского Харбина» нет: ушли из жизни все русские дальневосточные писатели-эмигранты. Чудом сохранившиеся частные архивы либо разошлись по рукам, либо рассеялись по беженским дорогам. Часть из них все же сохранилась, но далеко не все в России.⁴ В распоряжении исследователей — имеющиеся в отечественных архивах единичные поэтические и прозаические сборники, публикации в журналах и газетах времен эмиграции, совсем редкие образцы переписки харбинских сочинителей и, позднее, переписки оставшихся в живых с первопроходцами-харбиноведами (Е. Витковским, Е. Таскиной, А. Ревоненко, О. Бакич и др.).⁵ Но целостного представления о культуре русских эмигрантов в Китае пока еще не сложилось.

История русской культуры в Северном Китае ведет отсчет с конца XIX в., когда геополитические проекты России на Дальнем Востоке совпали со стратегическими интересами Китая. Начинается строительство КВЖД, посреди топких маньчжурских болот рождается русский город — Харбин. Возникнув на месте ханшинной деревушки,⁶ Харбин начинает «расти как на дрожжах, стремительно, на глазах, как растут тополя в Маньчжурии».⁷ Со всех концов России в этот край открывшихся возможностей хлынули коммерсанты, биржевики, рабочие, ремесленники — все те, кто

¹ Остров: сб. стихотворений. Шанхай, 1946. С. 76, 77.

² См.: Хаиндрова Л. Письмо А. Ревоненко. 2.04.1975 г. // «Будто нет расстоянья и времени нет...» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А. В. Ревоненко). Хабаровск, 2006. С. 41.

³ «Больно ранило меня полученное сегодня письмо поэтессы Лидии Хаиндровой от 23 марта — о том, что в ночь на 15-е марта в бывшем Екатеринбурге на руках брата скончался Коля Щеголев — тот Николай Александрович Щеголев, которого я застал в харбинской Чураевке ХСМЛ в 1932 г. (когда мне было девятнадцать лет, а ему чуть больше) и с которым я встречался каждую пятницу в Шанхае в годы войны» (Перелешин В. Поэт Николай Щеголев // Новое русское слово. 1975. 6 июля).

*Забияко Анна Анатольевна — д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
 E-mail: sciencia@yandex.ru*

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РГНФ 12-21-21001а(м) «Русские и китайцы: межэтнические отношения на Дальнем Востоке в контексте политических процессов»

⁴ См., например: Печатные издания харбинской россики: аннот. библиогр. указ. печат. изд., вывоз. Хабар. архивистами из Харбина в 1945 году. Хабаровск, 2003; Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: кат. собр. 6-ки им. Гамильтона Гавайского ун-та. М., 2002; Дiao Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): библиография. Харбин, 2001. См. об этом: Русские книги из Китая // Мир библиографии. 2006. № 4. С. 57–60; Эфендиева Г. В. О судьбе творческого и архивного наследия писателей русского Китая // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: сб. науч. работ. Благовещенск, 2012. С. 8–24; Забияко А. А. «Интертекстуальная модель» в текстологии литературы дальневосточного зарубежья // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. С. 140–149.

⁵ См.: «Будто нет расстоянья и времени нет...»; Солодкая М. «Бессмертна вещая созвучность...» (Письма А. И. Несмелова к Л. Ю. Хаиндровой) // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

⁶ См.: об этом: Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 72.

⁷ Иванов В. [Из харбинского жития] // «Дело не получило благословения бога»: Публицистика и мемуары белых. Хабаровск, 1992. С. 335.

мечтал поднять свое материальное состояние, спрятаться от власти, начать новую жизнь. Судя по харбинской переписи 1903 г., в «столице» КВЖД проживало 15 579 русских граждан.⁸

Вполне вероятно, что в эти списки попал и Александр Владимирович Щеголев, уроженец села Чемоданово Мещерского уезда Калужской губернии.⁹ Женится ли он в родных краях или свою супругу, Анну Ивановну, нашел уже в Харбине — не известно.¹⁰ Устроился Александр на железную дорогу: работал артельщиком в Управлении КВЖД. Семья поселилась в Новом городе, в Корпусном городке,¹¹ где в добротных двухквартирных одноэтажных домах с полисадниками проживали в основном рабочие и служащие дороги.

I мировая война, революция и лихолетье Гражданской коснулись жизни рядовых харбинцев лишь косвенно. Но после поражения в Ледяном походе и падения Дальневосточной республики Харбин становится пристанищем для многих тысяч русских беженцев: бывших белопоходников, их семей, дальневосточной интеллигенции, предпринимателей и всех тех, кто не желал связывать свое будущее с большевиками.¹² В Харбине они попали в «почти довоенную Россию», тогда как прошлой России уже не было.¹³ Но через несколько лет статус патриархального Харбина кардинально изменился: «Однажды, примерно в 1919 г., коренные харбинцы, проснувшись утром, узнали из газет, что они со своими чадами и домочадцами стали эмигрантами. Это было тя-

желое пробуждение».¹⁴ Коснулось это и семьи Щеголевых: им тоже пришлось определяться по отношению к новой власти на далекой родине. Щеголевы, по всей видимости, не были настроены против Советов (как и многие «кэ-вэжедековцы»)¹⁵ Из личного дела Александра Владимировича следует, что тот стал советским подданным (видимо, после 1924 г., когда было подписано советско-китайское соглашение и для многих харбинцев встала проблема выбора гражданства).¹⁶

7 июня¹⁷ 1910 г. у Щеголевых родился первенец — сын Николай.¹⁸ Мы не знаем, каким рос этот мальчик. Но, как видно, достаток в семье был, а родители внимательно относились к воспитанию и образованию детей: Николай закончил Коммерческий колледж Христианского союза молодых людей (ХСМЛ),¹⁹ в совершенстве овладел английским языком, имел прекрасное музыкальное образование по классу фортепиано.²⁰ У детей эмиграции было два пути — дальнейшее продвижение на Запад, ближе к американскому континенту или Австралии, либо пугающее возвращение на родину, где не просто изменилась государственная система, но менялся антропологический тип человека. Потому и старались родители дать своим детям все возможности, чтобы те могли *«учить про запас / Все ремесла, языки, машинопись, музыку, танцы, / Получая гроши, по-*

⁸ Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 139.

⁹ А. В. Щеголев прибыл в Харбин как раз в 1903 г. См.: БРЭМ. Личное дело А. В. Щеголева (БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов, созданное в Харбине после образования Маньчжу-ди-го, прояпонского марионеточного государства (1934). Одной из функций БРЭМ был контроль за настроениями эмигрантов. В этих целях были разработаны анкеты, состоящие приблизительно из 100 вопросов. После 1945 г. архив БРЭМ попал в руки СМЕРШ и частично вывезен в Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). В настоящее время материалы БРЭМ являются ценнейшим историко-коведческим материалом. См.: об этом: Забияко А. А. Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 124–131.)

¹⁰ Судя по дате рождения первого ребенка (когда отцу было уже 33 года), женился А. Щеголев, скорее всего, уже в Харбине, будучи материально обеспеченным человеком.

¹¹ См.: Перелешин В. Указ. соч.

¹² Справочник «Весь Харбин на 1923 год», ссылаясь на Земельный отдел КВЖД, называет 165 857 русских жителей Харбина (Весь Харбин на 1923 год. Харбин, 1923. С. 94).

¹³ См. об этом, например: Хаиндрова Л. Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 273.

¹⁴ Линник Ю. Сольвейг. Наброски к портрету Лариссы Андерсен // Грани. 1995. № 177. С. 149–167.

¹⁵ Слободчиков В. А. Интервью А. А. Забияко. 22.10.2003. Москва. Личный архив А. А. Забияко.

¹⁶ См.: об этом: Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 126, 127.

¹⁷ Возможно, 7 ноября — в личном деле А. В. Щеголева (БРЭМ) написано неразборчиво.

¹⁸ У Николая Щеголева были еще сестра Валентина (1912–1988) и брат Владимир (1924–1994). Брат впоследствии закончил Харбинский политехникум — одно из самых престижных учебных заведений в Северной Маньчжурии.

¹⁹ См.: Перелешин В. Указ. соч.

²⁰ В Комментариях к «Русской поэзии Китая» пишется: «...учился в консерватории по классу рояля» (Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. С. 699), однако в историко-архивных материалах нет сведений о существовании в русском Харбине консерватории. Скорее всего, речь идет об одной из музыкальных школ — им. А. К. Глазунова или Первой Харбинской музыкальной школе, основанной в 1921 г. и расположенной как раз в здании Коммерческого училища, где мог учиться Н. Щеголев. Программа обучения в этой школе соответствовала программам российских консерваторий Императорского Русского музыкального общества. (Русские в Китае. Исторический обзор. Шанхай; М., 2010. С. 58).

лучая презренье подчас», — напишет позднее Н. Щеголев в стихотворении «Опыт» (1932).

Когда проснулась в коренном харбинце тяга к сочинительству, не известно. Но глубокий интерес к литературе обнаружился рано: в 12–13 лет он увлечен Лермонтовым, в 14–15 — Андреевым, Блоком, Белым...²¹ (Для формирования художественных ориентиров, как видим, эстетическая парадигма весьма стройная, последовательная.) Из статей Н. Щеголева, стихотворений, эпитафий к ним узнаем, что в юности он читал и Пушкина (которого очень хорошо знал), Гоголя, Достоевского, Толстого, Кольцова, Некрасова, Надсона, страстно любил Маяковского.

Взросление Щеголева и его творческое становление счастливо совпали с возникновением в Харбине в 1926 г. литературного объединения «Молодая Чураевка». Созданная сибирским казаком Алексеем Ачаиром, «Чураевка» вошла в историю эмигрантских объединений как совершенно уникальное образование, где вопросы художественного мастерства поднимались наравне с вопросами духовного воспитания, где закладывались основы будущей самостоятельной деятельности питомцев (не случайно Ю. В. Крузенштерн-Петерек называет свои воспоминания «Чураевский питомник»)²² Роль Алексея Ачаира как доброго наставника харбинских «птиц певчих» трудно переоценить: собрав их, ищущих в ситуации безвременья выход своей энергии, он создал идеальные условия для их творческого развития и самовыражения. Органичная атмосфера «серебряного века» в ее харбинской миниатюре напоминала салонную культуру с ее мелодекламациями, чтением стихов, докладов о художественном творчестве с их последующим обсуждением.²³ Все, кто был мало-мальски одарен — в сочинительстве, музицировании, пении, художественном чтении, — имели возможность проявить себя и услышать либо восторженную похвалу, либо доброжелательную критику.²⁴

Литературная студия собиралась еженедельно по вторникам в 8 часов вечера в зда-

нии ХСМЛ. Молодежи было дано право самой выбирать себе кумиров по велению сердца и художественного чутья.²⁵ Духовные основания «Чураевки» базировались на идее о том, что «быть христианином — значит верить во Христа и жить согласно его учению, следовательно, не только личная жизнь человека, но и социальная и экономическая жизнь народов должна быть согласуема с христианскими принципами».²⁶ Но в практической плоскости весь спектр идейных ориентиров преломлялся в многоуровневой системе воспитания и образования подрастающего поколения в духе добра, справедливости и уважения к своим национальным корням.²⁷

Полноправным членом «Молодой Чураевки» Коля Щеголев стал приблизительно в шестнадцать лет, одним из первых придя в кружок. Плохо сохранившаяся фотография воссоздает внешний облик юного поэта: широкоскулое лицо, задорная улыбка, буйный темно-русый вихор. Юноша часто выступает на открытых собраниях литературной студии, иногда читая сразу по пять стихотворений, готовит литературные доклады.²⁸ Отношения между юными поэтами в «Чураевке» были сложные, однако Николай Щеголев, видимо, выделялся почти с самого начала, заработав эпитагму: «Поэт не дюжий, юный, ранний, / Характер страстный, павианий, / Ни Блок, ни Пушкин и ни Гоголь, / А только просто Коля Щеголь».²⁹ (В это же время в парижской критике Щеголев удостоился иронических замечаний самого Адамовича в связи с тем, что кто-то в Харбине соположил его имя с именем... Александра Блока.³⁰)

²⁵ Перед началом // Чураевка. 1933. 14 нояб. № 4 (10). С. 1.

²⁶ Лякер Н. Христианский Союз Молодых Людей // Чураевка. 1932. 27 дек. № 7 (1). С. 6.

²⁷ О работе «Чураевки» см.: Слободчиков В. А. «Чураевка» // Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 73–77; Ли Мэн. Харбинская «Чураевка» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В. В. Агеносова: сб. науч. работ. Благовещенск, 2012. С. 167–182; Забияко А. А., Крыжанская К. А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 197–219.

²⁸ См.: Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. 28 марта. № 3 (9). С. 2.

²⁹ Цит. по: Штейн Э. Примечания (сведения о поэтах) // Остров Лариссы. Орендж, 1988. С. 134–135. Судя по стилю и меткости характеристик, автором эпитагмы был Николай Петерек, мастер данного жанра. См. об этом: Забияко А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. С. 56–68.

³⁰ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 29 марта. С. 2.

²¹ Щеголев Н. Мысли по поводу Лермонтова // Чураевка. 1933. 7 февр. № 8 (2). С. 4, 5; Щеголев Н. Памяти Андрея Белого // Чураевка. 1934. № 11 (5). С. 4.

²² Крузенштерн-Петерек Ю. В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

²³ См. об этом: Забияко А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005. 247 с.

²⁴ См.: Работа по студиям // Чураевка. 1932. 27 дек. № 7 (1). С. 5.

Стихотворные дебюты Н. Щеголева, очевидно, состоялись в «Рубеже», где были опубликованы «Стансы»,³¹ «В кинематографе»,³² «За временем»,³³ «Память видит».³⁴ Но амплитуда его интеллектуальной, творческой и организаторской активности обозначилась с выходом в свет первого номера «Молодой Чураевки».³⁵ Вероятно, передовую статью к этому номеру под названием «Перед началом» писал именно Николай Щеголев. В ней, в частности, говорилось: «Не ищите в этом листке бодрости в обычном смысле этого слова. Разумеется, в нем будет ощутима молодость, заносчивость, вероятно, будет ощутима и сила, но несвободная и невеселая сила, которой пока некуда приткнуться. Препятствия одно к одному, одно к одному, — и современность, которой не к лицу поэзия, и сугубо трудные условия для развития литературы здесь на Дальнем Востоке при полном отсутствии здесь серьезных литературных изданий, и внутренние причины, из которых — мы не в России — самая главная». Тут же было опубликовано и его метапоэтическое раздумье «Все мои стихи доступны, — всем ли?», перекликающееся с передовой статьей не только смыслами, но и целыми фразами. Ачаир вскоре отметил: «Николай Щеголев быстро становится председателем литературной студии и одним из лидеров поэтической молодежи».³⁶

Да, он был весьма плодотворным автором: писал стихи, рассказы, статьи на самые разные темы — от проблем версификации (например, «О Марианне Колосовой») до беллетризации прозы («О детективных романах»)³⁷ Эти работы отличает теоретическая грамотность, тонкий вкус и страстная полемичность. Так, статья о пресловутых детективных романах перерастает в раздумье о путях развития эмигрантской прозы и русской литературы в целом. Один из способов избавления от «кровавых призраков» и «черных ручек» он видит в том, чтобы «начать перестраиваться психологически, будить в себе закосневшую коммерческую жилку», следуя Пушкину и Достоевскому, «который всегда остро присмат-

ривался к бульварным писателям типа Эжена Сю, потому что хотел, чтобы его романы помимо внутренней ценности обладали внешней занимательностью!»

В эти годы бурные дискуссии об изменении социологии чтения и адресации литературы, о новой сюжетике прозы и о ее беллетризации развернутся и в метрополии, и в эмиграции (О. Мандельштам, К. Мочульский, Е. Замятин, В. Перцов, С. Третьяков, Н. Чужак и др.). Юный харбинский критик не просто находится в русле этих актуальнейших методологических проблем, но обнаруживает недюжинный талант теоретика. И здесь для него нет иерархии — будь то признанный писатель метрополии (к примеру, Б. Пильняк), представитель западной ветви эмиграции (например, В. С. Яновский)³⁸ или же харбинский автор. Так происходит и с критическим разбором очередного номера «Чисел», где он и сам публиковался.³⁹

С первых же литературно-критических статей (вышедших под псевдонимами «Н. Щ.», «Н. Щ-в», «Н. Зерцалов») проявилась и свободная ориентация Николая Щеголева в целом сонме современных подходов к критике литературного произведения — от формализма до импрессионизма. Особенно показательна в этом отношении его статья, посвященная Лермонтову.⁴⁰ Читал ли Щеголев работы В. Соловьева и Д. Мережковского, посвященные «вечно двадцатилетнему поэту», не известно. Но нам важны не столько его содержательные схождения с мыслителями «серебряного века», сколько самостоятельные суждения: «Так я и подошел к Пушкину, который помог мне в борьбе с Лермонтовым, оздоровил меня, и Лермонтов не то что отошел на задний план, но где-то во мне притаился и ждет минуты, когда я снова устану выздоравливать, когда мне захочется надрыва, а я — *русский, и мне соблазнительны надрывы...*»⁴¹ (Молодому критику в ту пору только-только исполнилось 22 года).

Творческим кредо Щеголева в годы его «чураевского становления» было сочетание декларативных посылов и поэтических опытов. Четвертый номер «Молодой Чураевки» опубликовал его передовую статью «О роли

³¹ Рубеж. 1930. № 28. С. 6.

³² Там же. № 42. С. 4.

³³ Там же. № 50. С. 4.

³⁴ Там же. С. 16.

³⁵ Молодая Чураевка. Еженедельное приложение к газете «Харбинские Ежедневные Новости». 1932. 3 июля.

³⁶ Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. 28 марта. № 3 (9). С. 2.

³⁷ Молодая Чураевка. 1932. 6 авг. № 6. С. 1, 2.

³⁸ Там же. С. 4.

³⁹ Н. З-ов. Числа IX. Париж // Чураевка. 1933. 14 нояб. № 4 (10). С. 4.

⁴⁰ Щеголев Н. Мысли по поводу Лермонтова. С. 4, 5.

⁴¹ Там же. С. 5.

слова»⁴² в «содружестве» с его программным стихотворением «Опыт» (наиболее часто цитируемым у Щеголева):

Одиночество — да! — одиночество злее
марксизма.
 Накопляешь безвыходность: родины нет,
нет любви.
 Содрогается часто, на рифмы кладешь
пароксизмы,
 Бродишь взором молящим среди облаковых
лавин.⁴³

Предвосхищая теорию «материализации слова» в концепции русской семиотической школы, Щеголев размышляет: «Какою ураганною музыкой разносилось в 1917-ом году слово “революция”! Читаешь алдановский “Ключ” и не в силах отделаться от странной мысли, что и революция-то, возможно, потому и приключилась, что это слово звенело тогда во всех ушах, во всех телефонных трубках. Словом “революция” растили подлинную революцию».⁴⁴

В «Опыте» он актуализировал собственные слова-концепты: *одиночество, безвыходность, эмиграция, родина, прозябанье, любовь, русский*. Действительно, где бы ни был герой Щеголева, *одиночество* оказывается на первом месте из окружающих его бед и в этом он близок лермонтовским настроениям, он словно сознательно отгородился от окружающей жизни, замкнувшись в своем внутреннем мире:

Вечер. Горизонт совсем стусеван.
 Печь, диван, присутствие kota.
 Ручкой тонкою и камышовой
 Я пишу на длинных лоскутах.⁴⁵

Его пугают звуки музыки, от которых он бежит в свою бессонную тоску — в «самое страшное, черствое» («От самого страшного», 1931).⁴⁶ Тоска — перманентное состояние лирического героя, вступающее в диссонанс с обычным человеческим уютом:

Чувствую, что с каждым часом чванней
 Становлюсь, заверченный в тиски
 Горестного самобичеванья
 И тоски.⁴⁷

(«Диссонанс», 1930)

⁴² Как и передовая статья «Перед началом» первого номера, эта заметка вышла без указания автора. Уверенности в том, что их автор Щеголев, способствует и особая стилистика статей, и их теоретический характер, и обозначенный читательский кругозор автора.

⁴³ Молодая Чураевка. 1932. 24 июля. № 4. С. 1.

⁴⁴ О роли слова // Молодая Чураевка. 1932. 24 июля. С. 1.

⁴⁵ Щеголев Н. «Вечер. Горизонт совсем стусеван...» // Чураевка. 1932. 27 дек. № 7(1).

⁴⁶ Семеро: лит.-худ. сб. Харбин, 1931. С. 23.

⁴⁷ Цит. по: Русская поэзия Китая... С. 564.

Тема *тоски* неотделима от темы *родины*, что актуально для любого поэта в эмиграции. Однако *тоска* Щеголева совсем иного свойства, чем *тоска* того же Алексея Ачаира, которому было что вспоминать: «шумливые годы, / звенящее время, / поющую юность — / не пьяненький джаз» («В фруктовой лавчонке», 1938).⁴⁸ У Щеголева же, который был на 14 лет моложе и, соответственно, принадлежал ко второму поколению харбинских поэтов, это ощущение пронизывает его *настоящее*:

Все обиходно. Косые
 Спят на обоях лучи...
 Разве лишь слово «Россия»
 Мне необычно звучит.

(«Стансы»)

Одиночеству и тоске противостоит творчество, правда сам процесс сочинительства запечатлевается в образах, сопутствующих недугу и его преодолению: «содрогается часто, на рифмы кладешь пароксизмы...» («Опыт»), «Я себе говорю: / Мы сумеем еще побороться, / А пока / стану сетовать, / Стихослагать!» («Устаю ненавидеть...»).

Мы не знаем ничего о сердечных увлечениях Щеголева эмигрантской поры. Очевидно, поэт был влюбчив и переменчив (помните — «характер страстный, павианий»?). Все, что имеем мы, — это лирический сюжет его жизни. Если судить по нему, то в юности отношения с возлюбленной строились по разным сценариям, но чаще воспевалась жертвенность — с ее стороны, эгоизм — с его:

Ты помогала мне в успехе
 На утомительной земле,
 Ты создала мои доспехи,
 Ты сделала меня смелей,

Неуязвимей и злорадней...
 И все, что мне тобой дано,
 Я взял, но твой покой украден,
 Я не люблю тебя давно.⁴⁹

(«Ты помогала мне в успехе...»)

Его лирический двойник многое усвоил от своего лермонтовского предшественника. Поэтому он прячется за маской демона-искусителя, пытается найти спасение в любви:

Люби меня всей чистотой,
 Которой я стыжусь,
 Люби меня любовью той,
 Которой я боюсь.

⁴⁸ Рубеж. 1937. № 25. См. об этом: Забияко А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира.

⁴⁹ Чураевка. 1933. № 8. Курсив мой — А. З.

Я новым ликом обернусь,
И, став самим собой,
Свободно солнцу улыбнусь,
Что встанет надо мной». ⁵⁰

(«Люби меня всей чистотой...»)

Но иногда сквозь густую мглу демонических страстей проступает лицо неуверенного в себе, «ветрового», «порывистого» юноши. И тогда уже нет места ритмической виртуозности; лирическим героем владеет страстное чувство, о котором говорится просто и откровенно:

Вот опять мы встретились,
Встреча роковая.
В шубе и берете Вы
Ждете у трамвая.

Спрашиваете новости,
Хвалите погоду,
Оживает снова все —
Как тогда, в те годы.

Как сдержат рычанье мне?
Как держаться смело?
Полное отчаянье...
Что я буду делать? ⁵¹

(«Кошка», 1943)

Помимо работы в «Чураевке», поэт участвует в издании коллективных сборников «Семеро», «Излучины». ⁵² Коллеги по «чураевскому цеху» не всегда его понимали и принимали. Позднее в редких воспоминаниях чураевцев формалистские ориентации Щеголева заслужат довольно однозначные оценки: «Подчеркнуто четко, с прекрасной дикцией читал свои *холодноватые стихи* Николай Щеголев»; ⁵³ «Щеголев слишком увлекался авангардистскими изысками — *гонялся за рифмами*, которые порою сводили его стихи на нет». ⁵⁴ Так ли это было на самом деле? Действительно, Щеголев тщательно работал с рифмой — это было органично присуще его поэтическому и языковому мышлению. Кроме того, он был поэт-музыкант, «вслушивающийся» поэт, по меткому определению А. Ачаира. ⁵⁵ Музыкальная подготовка также определяла его отношение к стиху и самовыражению: «Ему — пианисту, пожалуй, — Стравинский ближе Шопена, Прокофьев — роднее Бетховена. Музыка сфер — не его

стихия, напевность — не его жанр. [...] Жизнь так многообразна. Было бы желание и умение жить. В этом — Щеголев». ⁵⁶ Его пристальное внимание к технике стиха определялось поиском нового смыслового поля, было попыткой найти «соглашение» между метром и смыслом. Настрой на языковую игру явно снижал патетику экзистенциальных мотивов лирики поэта, и в этом проявляется новое в «беженской» лирике русского Харбина — почти постмодернистское стремление к «обнажению приема», к демонстрации «механики чуда» (В. Ходасевич). ⁵⁷

Известно, что юное поколение харбинцев, порой вообще не знавшее России, уже изначально не понимало Ачаира: сибирские идеи не были им близки. Постепенно многие стали все более томиться под отеческим покровительством наставника. ⁵⁸ Не удивительно, что наш «вслушивающийся» поэт вместе с Николаем Петерцем становится во главе «чураевского переворота». Правда, по словам В. Слободчикова, Щеголев быстро понимает, что новообразованный «Круг поэтов» — это удар по Ачаиру, с которым у него были дружеские отношения, и объявляет о выходе из «Круга». ⁵⁹

Так или иначе, в 1935 г. Щеголев перебирается в Шанхай. Об этом периоде его жизни мы судим по воспоминаниям Юстины Крузенштерн-Петерц. В частности, из них узнаем о том, что сначала он был близок к «младороссам», редактировал «Литературную страницу» в газете «Новый путь». 27-летний Щеголев «взялся за дело, засучив рукава», писал задорные критические статьи (например, «Долой дилетантизм» ⁶⁰). Несомненные литературно-критические способности проявились у него еще в юности. Сам Николай Щеголев признавался: «Начиная с 1937 года я стал постепенно видеть себя скорее журналистом-публицистом, нежели поэтом, и поэтому стал все меньше уделять внимания стихам. По этой же

⁵⁰ Там же. 1934. № 6. С. 4. Курсив мой — А. З.

⁵¹ Остров. Шанхай, 1946. С. 191, 192.

⁵² Семеро: лит.-худ. сб. Харбин, 1931; Излучины. Харбин, 1935.

⁵³ Волин М. Воспоминания (Гибель «Молодой Чураевки») // Новый журнал. 1997. № 209. С. 216, 240.

⁵⁴ Слободчиков В. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 145; Слободчиков В. А. Интервью А. А. Забияко 22.10.2003. Москва. Личный архив А. А. Забияко.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ачаир А. Предисловие к сборнику «Семеро» // Семеро: лит.-худ. сб. С. 8, 9.

⁵⁷ См. об этом: Забияко А. А. Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка // Новый журнал. Нью-Йорк, 2009. Кн. 256. С. 310–324.

⁵⁸ Подробно об этом см.: Забияко А. А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

⁵⁹ Слободчиков В. А. Отзыв на книгу А. А. Забияко «Тропа судьбы Алексея Ачаира» // Берега. 2006. № 4. С. 56–58.

⁶⁰ Крузенштерн-Петерц Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 138.

причине я не собирал ранее опубликованных стихов и своего личного сборника так никогда и не выпустил». ⁶¹

Следующим этапом его творчества становится работа в журнале «Сегодня», который начал издаваться в 1943 г. Судьба этого популярного издания была печальна: он был перекуплен предприимчивым компаньоном Петереца, и работа в нем бывших чуроевцев прекратилась. ⁶²

С 1937 г. Китай находился в состоянии войны с Японией. Сбежав из Харбина от нищеты и японского засилья, бывшие чуроевцы вновь попадают в зависимость от бедности и японских властей. А в 1941 г. начинается Великая Отечественная война. Редкие и не опубликованные до сего дня стихи Щеголева тех лет свидетельствуют о сложных душевных процессах, сопровождающих шанхайскую жизнь поэта конца 1930-х — начала 1940-х гг. В отношениях с возлюбленной ⁶³ обостряются настроения неудовлетворенности и горечи:

Я этого ждал
за подъемом,
за взлетом —
паденье...
Я неразговорчив с тобой
и подчеркнуто сух.
Но — видишь? —
у глаз
западают
глубокие тени —
знак верный,
что ночь я не спал
и что мечется дух. ⁶⁴

К привычной страстности лирики Щеголева добавляются социально-политические и патриотические интонации:

В такие дни мне — быть или не быть? —
Вопрос наивный и второстепенный.
В такие дни вопрос моей судьбы

⁶¹ Н. А. Щеголев — А. В. Ревоненко. 26.10.67. С. 67.

⁶² Всего под руководством Петереца и Щеголева вышло 15 номеров журнала, но, к сожалению, в настоящее время он является библиографической редкостью, «отечественным библиографам он не известен». В необработанном архиве Л. Хаиндровой (ГАРФ) имеются в наличии № 22–36 за 1943 г. и три номера за 1947 г. (№ 91[2], 92[3], 93–94 [4–5]) (Солодкая М. Б. Книжные раритеты «китайской» русской эмиграции в частной коллекции Л. Ю. Хаиндровой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. С. 29–41.

⁶³ В. Перелешин вспоминал: «Познакомил Щеголева меня и со своей женой — милой, кроткой, обаятельной Галей, которая его просто обожала. Когда статья ему не давалась и он нервничал, Галя уходила “гулять” по улицам Французской концессии — в любую погоду. “Прогулки” иной раз тянулись по несколько часов». (Перелешин В. Указ. соч.)

⁶⁴ Автор благодарит В. Резвого, любезно предоставившего текст неопубликованных стихотворений Н. Щеголева.

Война решает просто и мгновенно...
(«В такие дни», ноябрь 1941 г.)

Оттого что и в плену болота,
И в тисках тоски
Родины работы и заботы
Стали мне близки...

(«Родина», 1942)

Меняется поэтический словарь Щеголева: в нем появляются слова «война», «Родина», «Октябрьская», «гул московский» и — «психика сатрапская» (это — о «белогвардейских заблуждениях» Гумилева). В стихотворении «Город и годы», пересекающемся своим названием с романом соцреалиста Ф. Гладкова, Щеголев восклицает:

Мне годы даются
гремящие,
сороковые,
кровавый сумбур,
что судьбиной
и опытом стал.

(«Город и годы», 1943)

А далее он переходит к просоветскому «самоотчету-исповеди»:

Мне годы даются —
Марксизма
и мужества школа,
заочный зачет мой
на гражданство
в СССР!..

В 1943 г. — в переломный год самой страшной в истории войны — Н. Щеголев уже является членом шанхайского отделения «Союза возвращенцев». ⁶⁵ Пропагандистская нацеленность стихов в ущерб лирическому началу и эвфонии — характерная черта щеголевской лирики тех лет, отразившаяся, в частности, в его сборнике «Остров».

История появления этого уникального в своем роде художественного образования тесно связана с возрождением «чуроевского братства» уже на шанхайской территории в кружке «Пятница», в который вошло девять человек: Н. Петерец, Н. Щеголев, В. Перелешин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Коростовец, В. Иевлева, В. Померанцев. Их объединяло общее харбин-

⁶⁵ «Союз возвращенцев» (прямой аналог образования, действовавшего во Франции) был создан по инициативе советских дипломатических представительств в Китае с целью контроля, координации и раскола русской эмиграции. В Шанхае «Союз возвращенцев» был создан в конце сентября 1937 г., работал в тесном взаимодействии с генеральным консульством СССР (Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 262.

ское прошлое, а первых пятерых — «чураевская школа». Правда, судя по воспоминаниям В. Слободчикова, служившего в то время во французской полиции и отказавшегося работать в кружке, «Пятница» была задумана «с пропагандистскими целями» (попросту говоря, под покровительством советских спецслужб). Другие члены кружка этого не знали; Слободчиков согласился не говорить об этом В. Перелешину, приехавшему из Пекина и прикнущившему к кружку.⁶⁶

Однако Ю. В. Крузенштерн-Петерец подчеркивает: «Стихи были самым главным». Действительно, «в “Пятнице” велась серьезная литературная работа и учеба; это была именно рабочая студия»,⁶⁷ но так как все были молоды, а от прозаической действительности за стенами кружка хотелось «бежать, но бежать было некуда»,⁶⁸ то они бежали на свой «Остров» поэзии.⁶⁹ Кем-то из самых отчаянных выдумщиков (Перелешин склоняется к тому, что это была либо Ларисса Андерсен, либо Николай Петерец) был придуман вид студийной игры: «По пятницам из стакана вытягивалась свернутая в трубочку бумажка с одной из заранее предложенных тем, и каждый писал стихотворение на эту тему к следующему разу».⁷⁰ Темы же были самые отвлеченные — дым, карусель, кольцо, камеш, светильник и т. д. — всего двадцать, если судить по оглавлению вышедшего в 1946 г. сборника. Многие стихотворения сборника — даже у самого «теоретически-холодного» Николая Петереца — отмечены оригинальностью мысли и одновременно трепетным чувством.⁷¹ После безвременной смерти Н. Петереца редактором сборника и автором предисловия становится Н. Щеголев.

В 1947 г. Николай Щеголев по собственному желанию «возвратится» в Советский Союз. Как многие добровольные репатрианты, он и его семья окажутся в Свердловске. Ему только 37 лет, он не попал в лагерь. Вначале Н. Щего-

лев устроился учителем английского языка и несколько лет проработал в одной из средних школ Уралмаша, одновременно учась на филологическом отделении Уральского государственного университета.⁷² А начиная с 1955 г. он работает в течение четырнадцати лет «лектором-литературоведом» при Свердловской филармонии — в те времена настоящая синекура для рядовых преподавателей. В характеристике для поступления в аспирантуру отмечено, что он прочел более 50 лекций разного содержания, среди которых особенно выделялись лекции о Маяковском, Достоевском, Блоке.⁷³ Не обошлось, конечно, и без «образа В. И. Ленина в литературе».⁷⁴ Потом, очевидно, он работал в Свердловском педагогическом институте: именно туда была дана характеристика из филармонии.

Писал ли Щеголев стихи, да и писал ли вообще, долгое время оставалось загадкой. Реальность была такова, что стихи после репатриации не писал почти никто из поэтов. М. Шмейссер после девяти лет заключения признавался: «Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения. Да к тому же и годы ушли, как-то вся литературная работа отошла в прошлое».⁷⁵ Алексей Ачаир высказался более лаконично: «В той звериной жизни было не до стихов».⁷⁶

О советском периоде жизни Щеголева Ю. В. Крузенштерн-Петерец писала довольно нелицеприятно: «Так же как с музыкой, с верой, со многим, что ему было дорого, Щеголев расстался потом и с поэзией, когда уезжал в СССР. Свое призвание он обрел было в марксистской публицистике. Но эпитафию себе он написал много раньше, — этой эпитафией был его, появившийся в 1943 г. в шанхайском журнале “Сегодня”, роман “Из записок одиночки”. Публицистом в СССР Щеголев не стал. Оттуда писали, что он взялся за пре-

⁶⁶ Слободчиков В. А. Письмо О. Бакич. 14 января 2002. Цит. по: Бакич О. Н. Остров среди бушующего моря // Новый журнал. 2005. Кн. 239. С. 177.

⁶⁷ Цит. по: Бакич О. Указ. соч.

⁶⁸ Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. Amsterdam, 1987. С. 101–103.

⁶⁹ Ю. В. Крузенштерн-Петерец пишет о том, что название, сменившее прозаическое «Пятница», скорее всего, было придумано Лариссой Андерсен (Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания).

⁷⁰ Russian poetry... С. 101.

⁷¹ Перелешин В. Мария Коростовец // Новое русское слово. 1974. 13 янв.

⁷² См. об этом: Щеголев Н. Письмо Н. Ильиной. 18 июля 1950 г. РГАЛИ. Ф. 3147 [Н. Ильина]. Оп. 1. Ед. хр. 154.

⁷³ Любовь к Маяковскому Щеголев пронес через всю жизнь, впоследствии защитив в Литературном институте диплом, посвященный его творчеству, который был даже опубликован.

⁷⁴ Копия характеристики любезно предоставлена автору статьи В. Резвым.

⁷⁵ М. П. Шмейссер — А. В. Ревоненко // «Будто нет расстоянья и времени нет...» С. 78, 79.

⁷⁶ Цит. по: Андерсен Л. Самовар на Садовой // Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма. М., 2006. С. 256.

подавание английского языка, а тогда — кто бы мог об этом подумать!»⁷⁷

По мнению многих, «в конечном итоге, его судьбу можно назвать даже благополучной. Особенно на фоне некоторых других литераторов, добровольно вернувшихся на родину, скажем, Марины Цветаевой или князя Святополка-Мирского».⁷⁸ Но за это советское благополучие приходилось платить все теми же одиночеством, тоской, неудовлетворенностью. Кому тогда в СССР был нужен литературный дар, острый критический ум, блестящая образованность бывшего эмигранта? Оттого он «запойно» трудился: «Много ездил, устал, а буквально в Новый год пришлось делать новую лекцию, так что в новогоднюю ночь поднял с женой рюмку коньяку и буквально через десять минут сел за пишущую машинку — настолько работа была срочная...».⁷⁹

Почти тридцать лет Николай Щеголев возвращается в русскую литературу. Наиболее крупная подборка из 22 стихотворений поэта стала известна лишь благодаря антологии В. Крейда и О. Бакич.⁸⁰ В контексте лирики русских поэтов Китая эти стихи выделялись особенной энергетикой и «самовитостью».⁸¹ Более десяти лет автор данной статьи скрупулезно собирала все, что касается личности Н. Щеголева и его творчества. К великому сожалению, вдова Н. Щеголева, Галина Ивановна, о которой ничего не было известно, скончалась в 2005 г., а детей у четы Щеголевых не было... В 2010 г. российский исследователь-

подвижник, В. Резвый взялся за подготовку к изданию сочинений Н. Щеголева, проведя поистине «археологические» разыскания в забытых архивах и частных коллекциях. Благодаря этим стараниям удалось собрать воедино неопубликованные тексты Щеголева. Оказалось, что до последних дней он не только трудился в качестве лектора, но и писал стихи — уже совсем не просоветские, а откровенные и пронзительные — о любви, одиночестве и надежде.

В 2010 г. в Екатеринбург приезжает человек. Возле своего гаража его внимание привлекает гора выброшенных бумаг — старые двухкопеечные тетрадки, затрепанные папки, письма, открытки... Человек берет в руки тетрадь с непривычным, витиеватым почерком, читает: «Планы романа. Характеристики. Жизненные детали». На конверте имя — Николай Александрович Щеголев, в тетради название города — Харбин. Кроме набросков романа, в руках оказываются рецензии на произведения советских авторов, лекции о Сервантесе и Беранже, черновики стихотворений... И горка «мусора» перебирается к новому владельцу. Пассионарность уральского «чудака» и вездесущий Интернет совершают невероятное: потерянная часть архива Николая Александровича Щеголева находит своих исследователей.⁸² Возможно, в ближайшем будущем история забытого поэта русской эмиграции будет пополнена свердловскими страницами. И в этой истории отразится целое поколение трагически забытых детей эмиграции.

Ключевые слова: *восточная ветвь русского зарубежья, русский Харбин, русский Шанхай, «Союз возвращенцев», репатриация, поэтический мир, лирический герой, литературная критика, «Чураевка», «Сегодня», «Остров»*

Anna A. Zabiako

Doctor of Philological Science, Amur State University (Russia, Blagoveshchensk)

E-mail: sciencia@yandex.ru

⁷⁷ Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания.

⁷⁸ Синкевич В. «Остров» и его редактор // Новый журнал. 2009. Кн. 256. С. 333–335.

⁷⁹ Н. А. Щеголев — А. В. Ревоненко. 07.01.69 // «Будто нет расстоянья и времени нет...» С. 68.

⁸⁰ Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001.

⁸¹ См. об этом: Забияко А. А. «Монпарнасские» интонации лирики Н. Щеголева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 512–519.

⁸² Автор статьи сердечно благодарит В. Потриваева за его настойчивое стремление поделиться своими находками.

A HARBIN POET NIKOLAI SHCHEGOLEV ON THE HISTORY
OF THE RUSSIAN EMIGRATION

The article deals with the historiographic problems of research of the history of the Far East emigration based on the analysis of creative works of one of the talented poets of the oriental branch of the Russian emigration – Nikolai Shchegolev. His life story was quite typical for the generation of the “Russian boys” who were born outside Russia and had to find their attitude towards the homeland correlating their creative work with political likes and dislikes.

For a long time it was believed that the “returnee” Shchegolev like so many other voluntary and forced authors- repatriates abandoned literature. The recently published poems of the emigration period, as well as the manuscripts of the poems, lectures and essays in prose by Shchegolev of his “Soviet period” opened new pages in the individual life story of the former Harbin poet and the history of the Far East emigration in general.

Key words: the eastern branch of the Russian diaspora, Russian Harbin, Russian Shanghai, “Union of the returnees”, repatriation, poetic world, the lyrical hero, literary criticism, “Churaevka”, “Today”, “The Island”

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Ablova N. Ye. Moscow: NP ID “Russkaya panorama”, 2004, 432 p. (in Russ.).
- Achair A. *Churaevka* (Churaevka), 1933, March 28, № 3 (9), p. 2. (in Russ.).
- Adamovich G. *Poslednie novosti* (Latest News), 1934, March 29, p. 2. (in Russ.).
- Andersen L. Moscow: Russkiy put, 2006, 472 p. (in Russ.).
- Bakich O. N. *Novyy zhurnal* (New magazine), 2005, № 239, pp. 174–200. (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1932, December 27, № 7(1). (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1932, February 7, № 8(2). (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1933, November 14, № 4(10). (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1933, № 8. (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1934, № 6. (in Russ.).
- Churaevka* (Churaevka), 1934, № 11(5). (in Russ.).
- Diao Shaokhua. Harbin: Izd-vo “Beyfan Ven-I”, 2001, 221 p. (in Russ.).
- Efendieva G. V. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. nauch. tr.* (Russian Harbin, embodied in the word: collection papers). Blagoveshchensk: AmGU, Issue 5, 2012, pp. 8–24. (in Russ.).
- Ivanov V. «*Delo ne poluchilo blagosloveniya boga*»: *Publitsistika i memuary belykh* (“The case has not received the blessing of God”: Political essays and memoirs White). Khabarovsk: Khabarovskoy knizhnoe izdatelstvo, 1992, p. 335. (in Russ.).
- Izluchiny: Literaturno-khudozhestvennyy sbornik* (Meanders: Literary Collection). Harbin, 1935, 48 p. (in Russ.).
- Khaindrova L. «*Budto net rasstoyaniya i vremeni net...*» (*Iz pisem poetov, byvshikh emigrantov, k A. V. Revonenko*): *sb. nauch. tr.* (“If there is no distance and no time...” (From the letters of poets, former emigrants to A. Revonenko): collection papers. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey im. N. I. Grodekova, 2006, p. 41. (in Russ.).
- Khaindrova L. Yu. Kaluga: Poligraf-Inform, 2003, 412 p. (in Russ.).
- Khisamutdinov A. A. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 2002, 360 p. (in Russ.).
- Kruzenshtern-Peterets Yu. V. *Rossiyane v Azii* (Russians in Asia), 2000, № 7, pp. 93–149. (in Russ.).
- Kruzenshtern-Peterets Yu. V. *Vozrozhdenie* (Revival), 1968, № 204, pp. 45–70. (in Russ.).
- Li Men. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. nauch. tr.* (Russian Harbin, embodied in the word: collection papers). Blagoveshchensk: AmGU, Issue 6, 2012, pp. 167–182. (in Russ.).
- Linnik Yu. *Grani* (Facets), 1995, № 177, pp. 149–167. (in Russ.).
- Melikhov G. V. Moscow: Nauka, 1991, 317 p. (in Russ.).

- Molodaya Churaevka* (Young Churaevka), 1932, August 6, № 6. (in Russ.).
- Molodaya Churaevka* (Young Churaevka), 1932, July 24, № 4. (in Russ.).
- Molodaya Churaevka* (Young Churaevka), 1932, July 3. (in Russ.).
- Novoe russkoe slovo* (New Russian Word), 1974, January 13. (in Russ.).
- Novoe russkoe slovo* (New Russian Word), 1974, July 6. (in Russ.).
- Ostrov* (Island). Shanghai: Izd-vo "Drakon", 1946, 284 p. (in Russ.).
- Pechatnye izdaniya kharbinskoy rossiki* (Printed publications Harbin Rossica). Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya, 2003, 128 p. (in Russ.).
- Polanski P. Moscow: Pashkov dom, 2002, 200 p. (in Russ.).
- Rubezh* (Frontier), 1930, № 28. (in Russ.).
- Rubezh* (Frontier), 1930, № 42. (in Russ.).
- Rubezh* (Frontier), 1930, № 50. (in Russ.).
- Rubezh* (Frontier), 1937, № 25. (in Russ.).
- Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930-1950. Amsterdam: Printed in the Neetherlands, 1987, 160 p. (in Russ.).
- Russkaya poeziya Kitaya* (Russian poetry in China). Moscow: Vremya, 2001, 720 p. (in Russ.).
- Russkie knigi iz Kitaya* (Russian books from China). *Mir bibliografii* (World bibliography), 2006, № 4, pp. 57–60. (in Russ.).
- Russkie v Kitae. Istoricheskiy obzor* (Russian in China. Historical review). Shanghai: Izd. Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shankhae, 2010, 572 p. (in Russ.).
- Semero* (Seven). Harbin: Izd-vo KhSML, 1931, 74 p. (in Russ.).
- Shteyn E. *Primechaniya* (Notes). *Ostrov Larissy* (Larissa Island). Orendzh, 1988, pp. 134-135. (in Russ.).
- Sinkevich V. *Novyy zhurnal* (New magazine), 2009, Book 256, pp. 333-335. (in Russ.).
- Slobodchikov V. A. *Berega* (Coast), 2006, № 4, pp. 56–58. (in Russ.).
- Slobodchikov V. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2005, 431 p. (in Russ.).
- Slobodchikov V. A. *Russkiy Kharbin: sb. nauch. tr.* (Russian Harbin: collection papers). Moscow: Izd-vo MGU; Nauka, 2005, pp. 65–84. (in Russ.).
- Solodkaya M. B. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. nauch. tr.* (Russian Harbin, embodied in the word: collection papers). Blagoveshchensk: AmGU, Issue 5, 2012, pp. 29–41. (in Russ.).
- Solodkaya M. *Chetvertye kubanskije literaturno-istoricheskie chteniya* (Fourth Kuban literary-historical reading). Krasnodar, 2003, pp. 37–67. (in Russ.).
- Ves Kharbin na 1923 god* (All Harbin 1923). Harbin: Tip. KVZhD, 1923, 453 p. (in Russ.).
- Volin M. *Novyy zhurnal* (New magazine), 1997, Book 209, pp. 216–240. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. Blagoveshchensk: AmGU, 2005, 247 p. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. *Novyy zhurnal* (New magazine), 2009, Book 256, pp. 310–324. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems Far East), 2006, № 6, pp. 170–186. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh: sb. nauch. tr.* (Russia and China in the Far East): collection papers. Blagoveshchensk: AmGU, Issue 3, 2002, pp. 512–519. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove: sb. nauch. tr.* (Russian Harbin, embodied in the word: collection papers). Blagoveshchensk: AmGU, Issue 5, 2012, pp. 140–149. (in Russ.).
- Zabiyako A. A. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* (Social and Human Sciences in the Far East), 2012, № 1, pp. 124–131. (in Russ.).
- Zabiyako A. A., Kryzhanskaya K. A. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh: Russkie i kitaytsy: regionalnye problemy etnokulturnogo vzaimodeystviya: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Russia and China in the Far East: Russian and Chinese: regional issues of ethnic and cultural interaction: a collection of the international scientific-practical conference). Blagoveshchensk: AmGU, Issue 9, 2010, pp. 197–219. (in Russ.).